

Николай Михайловичъ Пржевальскій ¹⁾).

Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи.

воимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Дѣйствительно, чѣмъ-то сильнымъ, захватывающимъ вѣяло отъ экспедиціи и ея вождя, картинно описывавшаго эпопею словно сказочныхъ странствованій по пустынямъ и нагорью Тибета. Своими блестящими лекціями, страстный, увлекающійся Николай Михайловичъ привлекалъ многочисленные аудиторіи... Ученныя общества создали повышенную географическую атмосферу, въ которой съ гордостью произносилось имя перваго русскаго изслѣдователя природы Центральной Азіи...

Примѣру столицы послѣдовалъ и родной Пржевальскому городъ— Смоленскъ, поднесшій ему адресъ на званіе почетнаго гражданина; Императорскій Московскій университетъ избралъ его почетнымъ докторомъ зоологій и затѣмъ, въ томъ же году, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей, Уральскаго Общества любителей естествознанія... Вѣнскаго, Италіанскаго и Дрезденскаго географическихъ обществъ и Сѣверо-Китайскаго отдѣленія Королевскаго Азіатскаго Общества въ Шанхай. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль. „Принимая съ благоговѣйнымъ чув-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

ствомъ, писалъ онъ президенту, столь лестную награду, тѣмъ болѣе для меня цѣнную, что она исходитъ отъ ученаго общества, плодотворная дѣятельность котораго обнимаетъ обширныя страны того же азіатскаго материка, я прошу васъ, милостивый государь, передать членамъ Королевскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ искреннюю мою признательность за столь высокую оцѣнку моихъ посылныхъ изслѣдованій въ мало-извѣстныхъ странахъ Центральной Азіи“.

Въ февралѣ 1881 года въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, академикъ А. А. Штраухъ заявилъ, что Николай Михайловичъ Пржевальскій принесъ въ даръ Зоологическому музею богатую коллекцію позвоночныхъ животныхъ, привезенную имъ изъ его послѣдняго путешествія. При этомъ Штраухъ ходатайствовалъ объ открытіи выставки всей коллекціи, собранной Николаемъ Михайловичемъ. „Знаменитый путешественникъ, — почетный членъ Академіи Наукъ Н. М. Пржевальскій, писалъ Штраухъ президенту Академіи графу Литке, собралъ во время своихъ путешествій въ Центральной Азіи богатѣйшія коллекціи животныхъ, которыя пожертвованы имъ въ Зоологическій Музей Академіи. Со времени основанія музея никто еще не приносилъ ему такого цѣннаго и единственнаго въ своемъ родѣ подарка. Коллекціи Н. М. Пржевальскаго даютъ возможность познакомиться съ фауной до сихъ поръ неизвѣстныхъ частей Центральной Азіи, гдѣ до него не былъ ни одинъ натуралистъ.

„Для ознакомленія публики съ результатами столь плодотворныхъ путешествій г. Пржевальскаго было бы очень полезно выставить три привезенныя имъ коллекціи особо, такъ какъ въ музеѣ выставлена только часть ихъ, которая кромѣ того теряется въ массѣ имѣющихся другихъ предметовъ. Поэтому имѣю честь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ устроить въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи выставку коллекціи г. Пржевальскаго. Входъ на выставку открытъ по билетамъ и, если возможно, взимать за входъ небольшую плату. Изъ этого сбора можно бы основать при музеѣ особый капиталъ имени Пржевальскаго, предоставляя ему лично указать назначеніе процентовъ съ этого капитала на пользу музея“.

Выставка привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщалъ Наслѣднику Цесаревичу главнѣйшіе результаты своихъ путешествій по Средней Азіи. Прже-

вальскій принялъ это приглашеніе съ глубокою благодарностью и имѣлъ счастье еще до начала лекцій поднести Его Высочеству коллекцію птичекъ, художественно расположенныхъ на деревѣ. Чтеніе августѣйшимъ слушателямъ Наслѣднику Цесаревичу и его покойному брату—великому князю Георгію Александровичу, въ Гатчинѣ, доставляло Николаю Михайловичу нравственное удовлетвореніе, и онъ, впоследствии, объ этомъ перѣдко вспоминалъ не только у себя на родинѣ, но и въ путешествіи.

Въ концѣ мая Пржевальскій могъ уѣхать въ деревню и тамъ, въ тиши начать трудную работу—описаніе послѣдняго своего путешествія. Жизнь въ деревнѣ шла регулярнымъ образомъ: Николай Михайловичъ вставалъ рано—въ семь часовъ утра, ложился также не поздно—въ десять вечера; по утрамъ, ежедневно, обливался холодною водою; обѣдалъ въ двѣнадцать часовъ, а ужиналъ въ девять... По праздникамъ не занимался, а обыкновенно писалъ письма или уѣзжалъ въ лѣсъ; какъ цѣльный человекъ, въ тѣсномъ общеніи съ природою онъ только и могъ найти душевное успокоеніе. Прислушиваясь къ окружающей его тишинѣ, изрѣдка нарушаемой голосами птичекъ, онъ мысленно переносился въ лѣса Гань-су, на берегъ Тэтунга, или въ лѣсныя ущелья верховья Желтой рѣки... Лѣто стояло сухое, травы выгорѣли, охота была плохая. Страсть къ охотѣ и сокращеніе лѣсовъ въ окрестности Отраднago подтакивали Николаю Михайловича приобрести себѣ имѣніе подальше отъ желѣзной дороги. Онъ больше чѣмъ прежде не выносилъ многолюдства, и чаще чѣмъ прежде его душа просила „тихий уголокъ для отдыха среди природы... Дайте мнѣ, говорилъ онъ, такой медвѣжьей уголокъ, въ который цивилизація не скоро дойдетъ“.

Для отысканія подходящаго имѣнія Николай Михайловичъ обратился за содѣйствіемъ къ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ и послалъ довѣренныхъ лицъ по всемъ концамъ Смоленской губерніи. Лѣтомъ желанное помѣстье было наконецъ прискано въ Порѣчскомъ уѣздѣ. „Отличное имѣніе, писалъ Николай Михайловичъ; главное же три озера, изъ которыхъ одно передъ самымъ домомъ, имѣетъ верстъ семь въ окружности. Рыбы, звѣрей, птицъ—гибель. Имѣніе продается очень дешево. Послѣ завтра, третьяго іюня, поѣду самъ осматривать, и если не куплю, то больше уже и не буду хлопотать на этотъ счетъ“.

Поѣздка и личный осмотръ этого уголка окончательно рѣшили дѣло, и имѣніе Слобода, принадлежавшее помѣщику, стставному артиллерійскому поручику, Леониду Алексѣевичу Глинкѣ, было куплено за 26.000 рублей.—Соблазнился и, говорилъ Николай Михай-

ловичъ, на эту покупку не для хозяйства, къ которому душа не лежитъ, а для охоты и рыболовства.

Имѣніе это, подъ названіемъ „Слобода“, находится въ сорока верстахъ отъ Порѣчья, въ шестидесяти верстахъ отъ Духовщины и въ восьмидесяти верстахъ отъ станціи Ярцево, Московско-Врестской желѣзной дороги. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, почти на половину покрытой лѣсомъ, „да и лѣсъ, какъ *сибирская тайга*, писалъ новый владѣлецъ, а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ“... Лучшимъ украшеніемъ Слободы служить большое живописное озеро съ высокими островами и нагорными берегами, по которымъ стелется хвойный лѣсъ. Сохранившаяся еще дѣвственность—присутствіе рысей, кабановъ, глухарей, медвѣдя и своеобразная красота озерной дали съ синѣющими островами положительно очаровывали Пржевальскаго. „Кругомъ все лѣсъ, говоритъ онъ, а изъ обрывистаго берега бьетъ ключъ. Мѣстность вообще гористая, сильно напоминающая Уралъ. Озеро *Сопша* въ гористыхъ берегахъ, словно Байкаль въ миниатюрѣ“...

Вскорѣ, по приобрѣтеніи Слободы, Николай Михайловичъ развелъ въ ней садъ, въ саду вырылъ прудъ, выпустилъ рыбъ, построилъ домъ и приспособилъ старую, расположенную въ саду, хатку для писанія книги о путешествіи. Эта хатка была своего рода святыней святыхъ души Пржевальскаго. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей-спутниковъ въ нее никто не допускался. Обыкновенные гости находили пріютъ въ „старомъ“ или „новомъ“ домѣ.

Наблюденіе за полевымъ хозяйствомъ Николай Михайловичъ ввѣрилъ въ высшей степени порядочному и симпатичному человѣку и образцовому сельскому хозяину, землемѣру по профессіи, Ефиму Сергѣевичу Денисову, а домашнее и молочное заведеніе своей нянѣ Ольгѣ Макарьевнѣ, къ которой привязался любящей душой, какъ къ матери... Денисовъ вѣдалъ многочисленнымъ мужскимъ персоналомъ служащихъ, Макарьевна—женскимъ... Перваго за справедливость и покладистость характера подчиненные очень любили, старуха же далеко не пользовалась такою симпатіей, въ особенности со стороны тѣхъ, кто попадалъ подъ ея злую руку и получалъ долго памятные „уроки совершенства“... Эти довѣренныя и близкія къ Николаю Михайловичу лица между собою старались быть корректными, хотя въ душѣ не выносили другъ друга, въ особенности ревнивая Макарьевна, позволявшая себѣ наговаривать на „управляющаго“, какъ всегда за-глаза называла Денисова... Николай Михайловичъ сглаживалъ отношенія полевыхъ ему людей

и уговаривалъ Макарьевну побольше отдыхать и поменьше хлопотать и волноваться по хозяйству.

„Вотъ какимъ, говорилъ Пржевальскій, я сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ. Но это все-таки не исключаетъ желанія, и даже весьма сильнаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховьяхъ Хуанъ-ха. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, къ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь“.

Пріятели съ улыбкой замѣчали, что съ покупкою имѣнія ему недостаетъ только хорошей хозяйки и что ему теперь слѣдуетъ жениться. Николай Михайловичъ отвѣчалъ на это категорическимъ „нѣтъ!“— Не измѣню я до гроба, говорилъ онъ, тому идеалу, которому посвящена вся моя жизнь. Написавъ что нужно, снова махну въ пустыню, гдѣ при абсолютной свободѣ и у дѣла по душѣ, конечно, буду стократно счастливѣе, нежели въ раззолоченныхъ салонахъ, которые можно было бы приобрѣсти женитьбой.

Зная взглядъ, характеръ Пржевальскаго, его страсть къ наукѣ и путешествію, нельзя было и думать, что имѣніе было приобрѣтено съ цѣлью „сѣсть на землю“; напротивъ, всѣ знакомые были увѣрены, что онъ не усидитъ ни у себя въ деревнѣ, ни въ Петербургѣ, что природа и свобода увлекутъ его въ новое странствованіе. „Грустное, тоскливое чувство, говоритъ Николай Михайловичъ, всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе отбѣгаютъ въ воспоминавіяхъ радостныя минуты удачъ и счастья.“

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять

вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь“.

Мечтая о новомъ путешествіи на болѣе широкихъ началахъ, Николай Михайловичъ приписывалъ себѣ третьяго спутника. Кандидатовъ на подобную вакансію было огромное количество и ихъ всякаго рода заявленій, просьбы, рекомендаціи и прошенія направлялись къ Пржевальскому со всѣхъ концовъ Россіи... Одни просились сами, за другихъ ходатайствовали отцы, друзья или начальники. „Осмѣливаюсь заявить вамъ, писалъ одинъ изъ желающихъ путешествовать, о своемъ страстномъ желаніи соучастствовать вамъ и раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, вслѣдствіе чего и дерзаю просить васъ принять меня въ небольшое число вашихъ избранниковъ. Съ своей же стороны прибавлю, господинъ полковникъ, что если понадобится вамъ когда-нибудь *моя голова, мое умъ и мои руки* — все, все сложену за успѣхъ вашего предпріятія. Еще разъ прошу васъ, если есть какая возможность, возьмите меня съ собою. Это моя давнишняя и завѣтная мечта, за исполненіе которой я готовъ на все, — буквально на все. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего разрѣшенія и моего: *„быть или не быть“*. При этомъ могу прибавить, что я, какъ казакъ, очень силенъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ. Быть можетъ и это не лишнее“.

....Между тѣмъ съ пріобрѣтеніемъ Николаемъ Михайловичемъ Слободы въ собственность, начинается и мое личное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ человекомъ. Я жилъ тогда въ Слободѣ... и любилъ и продолжаю еще сильнѣе любить этотъ „далекій, дивный уголокъ“... Съ именемъ „Слобода“ во мнѣ всегда просыпается первое самое сильное и самое глубокое воспоминаніе о Пржевальскомъ. Вѣдь такъ недавно еще я только мечталъ, только грезилъ, какъ можетъ мечтать и грезить шестнадцатилѣтній мальчикъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чтенія газетъ и журналовъ о возвращеніи въ Петербургъ славной экспедиціи Пржевальскаго, — мечталъ и грезилъ о далекихъ странахъ, о тѣхъ высокихъ нагорьяхъ Тибета, гдѣ картины дикой животной жизни напоминаютъ первобытный міръ, завидовалъ юнымъ сподвижникамъ Пржевальскаго, завидовалъ даже и самъ тѣмъ, кто могъ видѣть и слышать героя путешественника... мечталъ и грезилъ, будучи страшно далеко отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ... И вдругъ мечты и грезы мои

осуществлялись: вдругъ, неожиданно, тотъ великій Пржевальскій, къ которому было направлено все мое стремленіе, появился въ Слободѣ, очаровался ея дикою прелестью и поселился въ ней... При видѣ этого человѣка издали, при встрѣчѣ съ нимъ вблизи, со мною одинаково происходило что-то ужасное. Своей фигурой, движеніями, голосомъ, своей оригинальной орлиной головой, онъ не походилъ на остальныхъ людей; глубокимъ же взглядомъ строгимъ, красивыхъ голубыхъ глазъ, казалось, проникалъ въ самую душу... Когда я впервые увидѣлъ Пржевальскаго, то сразу узналъ его могучую фигуру, его властное благородное красивое лицо, его образъ—знакомый, родной мнѣ образъ, который уже давно былъ созданъ моимъ внутреннимъ воображеніемъ.

Отъ Николая Михайловича неслась какая-то особенная струя, особенный запахъ, которые омыли человѣка и отдавали во власть его несравненной силѣ воли, энергіи и того высокаго обаянія, которое составляло отличительную черту характера Пржевальскаго. Еще ярче встало въ моей памяти его живое описаніе красотъ горной природы, широкихъ пустынныхъ далей, навѣвавшихъ поэтической просторъ и еще сильнѣе захвачена была вся моя душа, весь я, влеченіемъ къ Пржевальскому... Какъ истый путешественникъ и чуткій знатокъ природы, Н. М. Пржевальскій быстро зажегъ во мнѣ горячую любовь къ природѣ Азіи и какъ чистый и цѣльный человѣкъ подчинилъ силѣ своего обаянія. Въ его неимоверно жизненной энергіи мое личное я растворилось и стало частицею его общаго собирательнаго имени. Тотъ день, когда я увидѣлъ первую улыбку, услышалъ первый задушевный голосъ, первый рассказъ о путешествіи, впервые почувствовалъ подлѣ себя „легендарнаго“ Пржевальскаго, когда я съ своей стороны въ первый разъ самъ смѣло и искренне заговорилъ съ нимъ—тотъ день я никогда, никогда не забуду; тотъ день для меня въ знаменательныхъ знаменательный; тотъ день рѣшилъ всю мою будущность, и я сталъ жить этою будущностью...

Осенью 1882 года, я уже перешелъ подъ кровъ Николая Михайловича и сталъ жить одною жизнью съ нимъ... Пржевальскій явился моимъ великимъ отцомъ: онъ воспитывалъ, училъ и руководилъ общей и частной подготовкой къ путешествію... Въ теченіе первыхъ дней, даже недѣль, подъ обаяніемъ новой свѣтлой жизни и постояннаго общенія съ Николаемъ Михайловичемъ, подъ обаяніемъ его восторженныхъ рассказовъ о прелестяхъ страннической жизни, о величіи и красотѣ любимыхъ имъ горъ восточнаго Нань-Шаня, о райскихъ уголкахъ Тэтунга, его дикою, чарующей въ глазъ, и душу природѣ, подъ обаяніемъ всего слышаннаго и въ осо-

бенности видѣннаго мною изъ предметовъ тѣхъ далекихъ странъ—мнѣ казалось, что я переживаю несбыточный сонъ; мнѣ чудилось, что я уже давно покинулъ Слободу какъ какой-то неизвѣстный уголокъ, что Слобода теперь стала своего рода центромъ, что она сдѣлалась извѣстной всѣмъ географамъ міра... Въ Слободѣ съ Пржевальскимъ, съ этимъ свѣточемъ живой науки, я увидѣлъ болѣе широкій горизонтъ.

Къ общему нашему удовольствію и радости въ январѣ 1883 года мнѣ удалось хорошо выдержать повѣрочное испытаніе при Смоленскомъ реальномъ училищѣ, затѣмъ вскорѣ поступить въ Москву на военную службу, въ званіи вольноопредѣляющагося, прослужить тамъ три мѣсяца и въ апрѣлѣ быть зачисленнымъ по Высочайшему повелѣнію въ составъ новой четвертой экспедиціи Пржевальскаго въ Центральной Азіи—сбылось несбыточное!... Я уже официально состоялъ при начальникѣ экспедиціи, полковникѣ Пржевальскомъ, его спутникомъ... Первой сознательной тихой радости моей не было конца... Въ концѣ апрѣля и началѣ мая—въ лучшей періодъ весны, я уже былъ съ Николаемъ Михайловичемъ снова въ Слободѣ, и счастливый, безконечно счастливый переживалъ мою первую весну настоящей жизни...

Но я уклонился немного въ сторону, въ маленькую частность, вернемся къ главному. Третій спутникъ былъ подысканъ, и Николай Михайловичъ спокойнѣе могъ продолжать писать заключительныя главы своего третьяго путешествія. Свободное же время или время отдыха онъ по-прежнему удѣлялъ улучшенію молодого сада—подсадкѣ плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, осушкѣ излишнихъ болотъ, наконецъ любимой имъ охотѣ или просто прогулкамъ пѣшкомъ или въ экипажѣ вдоль возвышенныхъ береговъ Сопша, на такъ называемую Чортову гряду, откуда съ одной стороны открывался самый далекій и самый живописный видъ на всю зеркальную площадь озера и усадьбу Слободу,—съ другой же—тянулся дикій дѣвственный высокоствольный лѣсъ могучихъ стройныхъ сосенъ... При видѣ всего этого Николай Михайловичъ каждый разъ приходилъ въ восторгъ и вспоминалъ природу Нань-Шаня, или самое путешествіе, а этого уже было достаточно, чтобы придти въ лучшее состояніе духа и по возвращеніи домой успѣшнѣе продолжать утомительное писаніе книги.

На улучшеніе Слободы, въ смыслѣ удобствъ жизни, расширеніе охоты, рыболовства Николай Михайловичъ не щадилъ средствъ и о доходахъ съ имѣнія не думалъ.—Говорю же я вамъ, повторялъ часто Пржевальскій своему управляющему, что я доходовъ не хочу

имѣть. Я смотрю на имѣніе не какъ на доходную статью, а какъ на дачу, въ которой можно бы было отдохнуть послѣ трудовъ. Для кого мнѣ собирать: дѣтей у меня нѣтъ и не будетъ, а для себя?—мнѣ много не надо.

Въ Слободѣ сѣлся овесъ не столько для продажи, сколько для домашняго обихода, а главное для приученія медвѣдей ходить въ него и затѣмъ охотиться на нихъ. На охотѣ было сосредоточено все вниманіе владѣльца: лѣтомъ, или еще охотнѣ весной, напримѣръ, покупались маленькіе зайчата и отпускались на одинъ изъ острововъ Сопша—Большой или Пограничный—а поздней осенью плавали туда въ лодкахъ поохотиться... Такая экскурсія устраивалась главнымъ образомъ для собственнаго пассивнаго удовольствія. Въ такомъ случаѣ Николай Михайловичъ не бралъ даже съ собою ружья, а лишь наблюдалъ за охотою другихъ, выбирая удобную вершину возвышающагося грядой острова... Лай гончихъ собакъ, мельканіе тамъ и сямъ испуганныхъ зайцевъ, крикъ взбудораженныхъ птицъ, выстрѣлы—все это вносило новую страницу въ охотничій спортъ тихой слободской жизни. Охота и дикость природы въ глазахъ Пржевальскаго имѣли особую прелесть.—Если въ Слободѣ, говорилъ онъ, проведутъ желѣзную дорогу, непременно продамъ ее и не куплю другого имѣнія въ Европейской Россіи, а поселюсь въ Азіи.

Радусіе и гостепримство Николая Михайловича, его чистая, дѣвственная натура привлекала многихъ. Въ періодъ отдыховъ, онъ приглашалъ къ себѣ друзей и развертывался передъ ними во всю ширину русскаго радусія и своей могучей природы. Подъ отдыхомъ онъ разумѣлъ полное отрѣшеніе отъ науки, даже отъ газетъ, и въ это время помимо повседневной обильной ѣды, въ большомъ количествѣ изводились, особенныя, какъ самъ хозяинъ называлъ, *заѣдочки, усладеньки, запивочки*¹⁾, и въ одинаковой мѣрѣ было ли это дома или же на охотѣ, рыбной ловлѣ, поѣздкѣ въ лѣсъ или на, излюбленную Чортову гряду... Съ отъѣздомъ гостей, веселье проходило, и Николай Михайловичъ съ бѣльшей энергіей отдавался прежнему писанію.

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Прже-

¹⁾ Подъ словомъ *заѣдочки* подразумѣвались всякаго рода „кусочки“ закуски, подъ словомъ *усладеньки*—сласти вообще, а подъ *запивочками*—не крѣпкіи вина, а фруктовыя воды или даже деревенскій квасъ.

вальскій отправился черезъ Москву въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же приступилъ къ печатанію своего труда. „Теперь, писалъ онъ, совѣту Императорскаго русскаго географическаго общества, когда результаты совершенной экспедиціи уже частью воплощены, да позволено мнѣ будетъ поднять вопросъ о новомъ путешествіи. Несмотря на удачу трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи и почтенныя здѣсь изслѣдованія другихъ путешественниковъ, въ особенности русскихъ—внутри азіатскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета, все еще остается огромнѣйшая площадь почти совершенно невѣдомая“.

Желая проникнуть въ Лхасу, Пржевальскій тѣмъ не менѣе не дѣлалъ ее исключительною и конечною цѣлью своего путешествія, наоборотъ онъ смотрѣлъ на свою общую задачу съ болѣе широкой точки зрѣнія, болѣе плодотворной для науки.—Если пустятъ насъ въ Лхасу, говорилъ онъ, то пойдемъ, а если нѣтъ—то и въ сторонѣ оставимъ, но до озера Тенгри-нора добратся постараемся.

Поставивъ себѣ главною задачею изслѣдованіе Сѣвернаго Тибета, Николай Михайловичъ набросалъ въ краткихъ чертахъ планъ будущей экспедиціи и предполагалъ имѣть въ ее составѣ трехъ помощниковъ и пятнадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ. Рассчитывая пробыть въ Тибетѣ два года, онъ исчислялъ расходы въ сорокъ три съ половиною тысячи рублей и объ отпускѣ ихъ просилъ ходатайства совѣта географическаго общества. Совѣтъ принялъ предложеніе съ большимъ сочувствіемъ, а вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ черезъ посредство министра финансовъ и черезъ Государственный Совѣтъ испросилъ требуемую сумму, на что восемнадцатаго мая того же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе.

Пока разрѣшался вопросъ о новой экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки“. Книга была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и заслужила лестныя похвалы какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературахъ. Авторъ получилъ много восторженныхъ писемъ отъ соотечественниковъ и иностранцевъ, успѣвшихъ познакомиться съ увлекательнымъ разсказомъ путешественника.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Наслѣдникъ Цесаревичъ, при прощаніи, подарилъ Николаю Михайловичу зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился, и поднимался на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Затѣмъ Николай Михайловичъ направился въ свою родную губернію попрощаться, полюбивъ новое гнѣздо—Слободу, онъ въ то же время помнилъ и старое—Отрадное. Къ сожалѣнію, пребываніе въ послѣднемъ причинило ему и на этотъ разъ большое огорченіе: здѣсь его спутникъ Эклонъ, собираясь жениться, отказался отъ участія въ экспедиціи. Въ грустномъ раздумьи Пржевальскій замѣтилъ—теперь для меня Слобода еще дороже...

... Девятаго августа 1883 года, экспедиція выѣхала изъ Москвы, а четырнадцатаго—уже была въ Перми. „Грустныя минуты, пишетъ Николай Михайловичъ, разставанія съ людьми близкими при отъѣздѣ изъ Москвы скользнули темною тучкою по ясному небу нашего радостнаго настроенія: впереди на цѣлыхъ два года, или даже болѣе, предстояла теперь намъ жизнь, полная тревогъ, новизны, свободы, служенія славному дѣлу... Опять передо мною мелькнула Волга и Кама, по которымъ я направлялся также въ экспедиціи въ 1870 и 1876 годахъ. И какъ недавно, кажется, все это было, а между тѣмъ, сколько было испытано за это время разныхъ передрагъ“.

На дальнѣйшемъ пути къ Кяхтѣ, за Ураломъ, путешественники вновь поплыли сначала по Тоболу и Иртышу, а потомъ и по главной вѣтви бассейна—Оби. Новички цѣлыми днями не сходили съ палубы, любуясь оригинальною природою широкой Сибири. Пріятное водное сообщеніе въ Томскѣ смѣнилось длительнымъ, тяжелымъ почтовымъ передвиженіемъ до Байкала и за Байкаль, самое же славное и священное въ глазахъ инородцевъ озеро это мы счастливо переплыли опять на пароходѣ, при чудной осенней погодѣ, когда прозрачный воздухъ прилежащихъ горъ былъ окрашенъ дивною синевою...

Знавшая и почитавшая Николая Михайловича, Кяхта встрѣтила и пріютяла экспедицію самымъ радушнымъ образомъ. Въ Кяхтѣ же Пржевальскій получилъ письмо воспитателя царскихъ сыновей, генераль-адъютанта Даниловича. „Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, писалъ онъ, переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата. Исполняя это черезъ посредство главнаго штаба, желаю отъ души, чтобы эта посылка застала васъ до отправленія въ экспедицію. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ еще разъ и мои искреннѣйшія пожеланія о томъ, чтобы предстоящее путешествіе совершилось съ тѣми же важными результатами для *русской науки и русской славы*, которыми отличались ваши прежнія

путешествія. Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ нисколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою”.

Письмо это доставило Пржевальскому новое удовольствіе, и оныя, принося почтительную благодарность за высочайшій подарокъ, писалъ Г. Г. Даниловичу, что исполнить „въ высшей степени драгоценное“ для него желаніе Государя Наслѣдника Цесаревича относительно сообщенія о ходѣ его путешествія.

Несмотря на огромную опытность и тонкое пониманіе организаціи каравана, экспедиція прожила въ Кяхтѣ около мѣсяца, прежде нежели все было налажено, устроено, сформировано, и Николай Михайловичъ могъ съ улыбкою сказать: „завтра, наконецъ, выступаемъ“! Такимъ днемъ было двадцать первое октября, когда, по желанію казаковъ, былъ отслуженъ пацутственный молебенъ и, затѣмъ кяхтинскими кунцами предложенъ экспедиціи прощальный обѣдъ. Ровно въ три часа по полудни верблюды были завьючены и выстроились на улицѣ, запруженной родственниками и посторонними звѣзками, собравшимися проводить казаковъ. Караванъ двинулся, и черезъ нѣсколько минутъ путешественники переступили границу и очутились на китайской землѣ. Солдатики, снявъ шапки, перекрестили груди; на душѣ каждого было легко, радостно, свѣтло— всѣ глубоко вѣрли въ своего великаго начальника...

Началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Передъ нимъ снова лежало неизвѣстное будущее, снова судьба всего дѣла много разъ должна была висѣть на волоскѣ, но онъ твердо шелъ и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Радостный, какъ и его спутники, онъ запечатлѣлъ волненіе своей души поэтическимъ восторгомъ:

...„Въ бурю, въ бурю снова...
Отдохнувъ сказалъ пловецъ,
Знать я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ“...

На десятый день слѣдованія къ югу, путешественники достигли Урги, гдѣ остановились въ знакомомъ домѣ русскаго консульства, открыто расположенномъ въ общей долині Толоу, противъ священнаго массива Богдо-ула, которымъ справедливо можетъ гордиться

каждый монголъ, каждый лама, съ благоговѣніемъ вспоминающій имя мудраго китайскаго императора, положившаго начало къ сохраненію перваго природнаго памятника сѣверной Монголіи.

Въ Ургѣ было закончено снаряженіе экспедиціи пріобрѣтеніемъ собственныхъ животныхъ—верблюдовъ и лошадей и продовольственныхъ запасовъ, по части дзамбы и кирпичнаго чая... Персоналъ экспедиціи—все молодежь до единаго человѣка—былъ подобранъ счастливо. „Въ удачномъ выборѣ спутниковъ, говоритъ Николай Михайловичъ, заключается залогъ успѣха... Мое здоровье хорошо, расположеніе духа по большей части также хорошее, не то что бываетъ въ Петербургѣ“.

Распредѣливъ между нижними чинами должности, которыя каждый изъ нихъ долженъ былъ исполнять во время экспедиціи, Пржевальскій восьмого ноября выступилъ изъ Урги. Наканунѣ онъ прочелъ своему отряду слѣдующій приказъ: „Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ—великое дѣло. Мы идемъ изслѣдовать невѣдомый Тибетъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Императоръ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждою смотрятъ на насъ. Не пощадимъ же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу до конца, и сослужить тѣмъ службу какъ для науки, такъ и для славы дорогого отечества“...

Общая картина каравана оставалась прежняя. Впереди всѣхъ слѣдовалъ Пржевальскій съ проводникомъ монголомъ и урядникомъ Телешовымъ, исполнявшимъ обязанности препаратора. Позади и поодаль велъ караванъ заслуженный урядникъ Ирнчиновъ, назначенный вахмистромъ экспедиціоннаго конвоя. Затѣмъ остальные казаки ѣхали, частью въ серединѣ каравана съ вольноопредѣляющимся Козловымъ, а частью въ аррьергадѣ съ подпоручикомъ Роборовскимъ, слѣдившимъ за общимъ порядкомъ. Хвостомъ каравана служило стадо продовольственныхъ барановъ, подгоняемыхъ коннымъ казакомъ или монголомъ.

За Ургой тотчасъ развернулась Гоби, поперекъ которой въ третій разъ шелъ Николай Михайловичъ... Миновавъ степной районъ, экспедиція вступила въ настоящую пустыню, тянувшуюся съ востока на западъ черезъ всю Центральную Азію до окраинъ горъ Нань-Шаия... По мѣрѣ движенія къ югу солнце ощутительнѣе грѣло путешественниковъ. Въ первый день новаго, 1884, года Пржевальскій со своими спутниками пилъ чай на открытомъ воздухѣ и любовался видомъ на Алашанскій хребетъ... Въ самомъ Алашѣ было еще теплѣе—въ немъ по незамерзающимъ ключамъ, держались дупеля-

отшельники; но въ сосѣднихъ горахъ еще лежалъ снѣгъ; тѣмъ же менѣе Николай Михайловичъ не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть туда; хотя его теперь больше всего тянуло къ себѣ Тэтунгъ-юль, котораго экспедиція достигла въ половинѣ февраля, расположившись противъ монастыря въ самомъ живописномъ мѣстѣ. „Здѣсь, говоритъ Николай Михайловичъ, прекрасные обширные лѣса съ быстро-текущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе луга, устланные лѣтомъ пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, рядомъ съ дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самаго верхняго горнаго пояса, вязу же быстрый, завилыстый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ каменныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинушаго утомительно однообразныя, безжизненныя равнины Гобя...“

Здѣсь же на Тэтунгѣ впервые сознательно пробудилась и моя душа—я позналъ собственное влеченіе къ красотамъ дикой горной природы. Красавецъ Тэтунгъ то грозный и величественный, то тихій и ровный, часами удерживалъ на своемъ берегу Пржевальскаго и меня, и повергалъ моего учителя въ самое лучшее настроеніе, въ самые задушевные рассказы о путешествіи. Любуясь Тэтунгомъ, его прозрачными стремительными волнами, прислушиваясь къ голосамъ ушастыхъ фазановъ, зеленыхъ сэрмуновъ и мелодичному цѣнію всевозможныхъ синицъ и завирушекъ, Николай Михайловичъ мечтою уносился еще дальше—въ роскошную Сы-чуань, съ ея бамбуковыми зарослями, обезьянами, лафофорами... Никогда и нигдѣ мы не были такъ высоко счастливы, такъ чисты сердцемъ, такъ воспріимчивы ко всему прекрасному, святому, какъ только въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, среди лѣсовъ и горъ, среди дѣвственныхъ рѣкъ и рѣчекъ, среди живой дѣвственной природы...

Въ самомъ монастырѣ великій путешественникъ былъ встрѣченъ довольно радушно, какъ старый знакомый, и по-прежнему получилъ разрѣшеніе охотиться въ монастырскихъ лѣсахъ, за исключеніемъ лишь ближайшей къ храмамъ святой горы, на которой благородные олени, не боясь человѣка и не зная въ немъ врага своего, держали себя подобно домашнимъ животнымъ.

Въ горахъ Гань-су мы, между прочимъ, поохотились за улларами... Вездѣ въ Центральной Азiи горная индѣйка, или улларъ (*Megaloperdix thibetanus*) является жителемъ высокихъ дикихъ горъ и при томъ самага верхняго, альпійскаго ихъ пояса. Мѣстомъ своего ночлега эти птицы выбираютъ, обыкновенно, одинокія скалы на высокихъ, трудно доступныхъ вершинахъ. Подъ этими скалами, на землѣ, въ защитѣ отъ вѣтра, залегаютъ она на ночь плотною кучею. „Сидишь бывало въ засадкѣ, говоритъ Пржевальскій, и съ нетерпѣніемъ смотришь на солнце, которое какъ-то лѣнливо прячется на

Улларъ (*Megaloperdix thibetanus*).

западъ горизонта. Нижнія долины уже въ тѣни, а между тѣмъ, вершины горъ все еще освѣщены. Наконецъ, солнце заходитъ, и багровая заря разливается на мѣстѣ заката. Нетерпѣніе и охотничья ажитация увеличиваются—прислушиваешься къ каждому звуку, къ каждому шороху... Вотъ стая клушицъ усѣлась ночевать на ближайшей скалѣ; вотъ соколь-пустельга прилетѣлъ туда же; но улларовъ все еще нѣтъ. Наконецъ, раздается вдали знакомый крикъ желанныхъ птицъ, и большой ихъ табунъ, обогнувъ дальнія скалы, быстро несется вверхъ, затѣмъ опускается за двѣ-три сотни шаговъ отъ мѣста ночлега. Усѣвшись на землю, уллары тотчасъ же бѣгутъ къ своему знакомому уютному уголку. Еще нѣсколько мгновений—и весь табунъ длиною вереницею подбѣгаетъ къ охотнику въ мѣру

близкаго выстрѣла. Желанная минута! Въ темнотѣ сумерекъ блеснуть разъ за разомъ два огонька, и загрѣмѣть по ущельямъ эхъ двухъ выстрѣловъ. Уллары поражены неожиданностью... однако, не желая разстаться съ почлегомъ, не улетаютъ, но лишь отбѣгаютъ въ сторону. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ зарядить свое ружье, не показываясь изъ засадки. Проходитъ минутъ шесть—десять, и уллары, не замѣчая никого, снова бѣгутъ къ почевкѣ, иногда только съ противоположной стороны. Теперь уже довольно темно, и птицъ издали не видно, слышенъ лишь голосъ вожака. Съ замирающимъ сердцемъ всматриваешься въ темноту и, наконецъ, различаешь близко бѣгущее стадо. Опять гремятъ два выстрѣла и опять уллары убѣгаютъ прочь; но спустя немного, снова возвращаются и снова попадаютъ подъ пуштрѣлы. Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло, вѣрно прицѣлиться невозможно. Тогда охотникъ выходитъ изъ засадки, собираетъ добычу и отправляется къ своему бивуаку, огонекъ котораго, словно маякъ, блеститъ внизу, въ ближайшей долині...“

Изъ Чортэнтана экспедиція перенесла свой лагерь въ монастырь Чойбзанъ, подлѣ котораго въ первый разъ встрѣтила хурды, или молитвенные цилиндры, вращаемые водою и устроенные тамъ и сямъ по горной рѣчкѣ, протекающей вдоль монастырскихъ холмовъ. Здѣсь также Пржевальскій былъ встрѣченъ радушно, и на другой день къ нему явился китайскій чиновникъ изъ Сианиа привѣтствовать экспедицію и передать ей письма, полученные изъ Пекина. Воспользовавшись случаемъ, большинство путешественниковъ въ свою очередь также отправили вѣсти на родину. „У насъ все благополучно, писалъ Николай Михайловичъ, солдаты и казаки ведутъ себя отлично и живутъ дружно. Отрядъ совершенно на военномъ положеніи: всѣ мы ѣдемъ съ берданками и револьверами; днемъ и ночью очередныя дежурства, дисциплина неумолимая. Весело намъ и хорошо вдали отъ всѣхъ радостей европейской жизни. Самъ я здоровъ совершенно; толстота пропала—похудѣлъ я теперь на четыре съ половиною вершка въ окружности.“

„Теперь когда я въ своей юртѣ, на ящикѣ вмѣсто стола, пишу это письмо, на дворѣ идетъ небольшой снѣгъ, у насъ горитъ огонекъ. Козловъ и Роборовскій также пишутъ письма. Кончимъ свои писанія—будемъ ѣсть супъ изъ мяса яка съ рисомъ, затѣмъ пойдемъ на охоту. А кругомъ насъ тангуты, которые рады бы были проглотить нашу маленькую кучку, да только, не легко это сдѣлать“.

И дѣйствительно, прежнее поведеніе Пржевальскаго такъ напугало китайскія власти, что теперь сининскій амбанъ уже не пытался противиться движенію на Куку-норъ и далѣе въ Цайдамъ, но отказывался только дать проводника на истоки Желтой рѣки, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей, знающихъ эту мѣстность. При этомъ, для наблюденія за путешественниками,

Хурда, вращаемое водою.

но подъ видомъ почета, амбанъ прислалъ нѣсколько десятковъ китайскихъ солдатъ, при двухъ офицерахъ. Сопровождавшій экспедицію китайскій конвой занимался пьянствомъ, дракою и грабежомъ жителей. Пржевальскій послалъ нарочнаго къ сининскому амбаню, съ просьбой убрать своихъ солдатъ, но отвѣта не было. Тогда Николай Михайловичъ объявилъ грабителямъ солдатамъ, что если они не уйдутъ, то будетъ по нимъ стрѣлять. Эта угроза подѣйствовала, и наша экспедиція отдѣлалась отъ китайскихъ соглядатаевъ.

Вскорѣ затѣмъ, караванъ благополучно поднялся на высокую долину озера Куку-нора и на сѣверномъ берегу его провелъ двое сутокъ по случаю праздника Пасхи. „Христосуясь съ казаками, пишетъ Пржевальскій, я далъ каждому, вмѣсто краснаго яйца, по полумперіалу. Изъ запасовъ еще московскихъ, до сихъ поръ почти нерасходовавшихся, мы полакомлялись теперь коньякомъ и кое-какими резервами; подѣлились, конечно, и съ казаками. Словомъ, праздникъ встрѣченъ былъ и проведенъ съ нѣкоторымъ комфортомъ“.

Отсюда не далеко было и до намѣченной станціи, или склада восточнаго Цайдама, котораго экспедиція достигла перваго мая. Мѣстный управитель Цзунъ-цзасака, получившій должныя секретныя инструкціи отъ китайцевъ, тормозилъ снаряженіе къ дальнѣйшему движенію въ Тибетъ, отговариваясь отъ звяющихъ проводниковъ и продажи вьючныхъ животныхъ и продовольствія. Пржевальскій заявилъ, что если его требованія не будутъ исполнены, то онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, и далъ Цзунъ-цзасаку четыре дня на размышленіе. Когда все это ни къ чему не привело, „тогда, говоритъ Пржевальскій, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, я посадилъ Цзунъ-цзасака подъ арестъ у насъ въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой былъ поставленъ вооруженный часовой; помощникъ князя, едва ли еще не большій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся во время осмотра верблюдовъ ударить нашего переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такія мѣры возымѣли желаемое дѣйствіе, какъ непосредственно на самого Цзунъ-цзасака, такъ и косвенно на его сосѣда, Барунъ-цзасака. У послѣдняго отыскался для насъ проводникъ, а черезъ два дня намъ были доставлены и проданы четырнадцать хорошихъ верблюдовъ, сорокъ шесть отличныхъ барановъ и часть продовольствія. Тогда арестованные были отпущены во-свояси“.

Складъ свой экспедиція устроила въ хырмѣ Барунъ-цзасака. Весь оставляемый багажъ былъ помѣщенъ въ двухъ наиболѣе просторныхъ конурахъ укрѣпленія. Въ составъ караула были назначены шесть казаковъ, подъ начальствомъ Принчинова. Для развлеченія казакамъ были даны книжки для чтенія и смена кое-какихъ овощей на постѣвъ; однако, огородниками они оказались плохими, но книжки читали охотно. Остальные участники экспедиціи, въ числѣ четырнадцати человекъ, отправлялись въ предстоящую экскурсію, срокъ которой опредѣлялся отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ.

„Снарядились мы налегкѣ, да не совсѣмъ, говоритъ Пржевальскій. Имѣя все данныя расчитывать на недружелюбную и даже

враждебную встрѣчу со стороны независимыхъ тангутскихъ племенъ мы должны были запастись продовольствіемъ (кромѣ мяса) на четырехмѣсячный срокъ и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ; затѣмъ различные препараты для коллекцій, ящики для ихъ помѣщеній, охотничьи принадлежности, инструменты и проч. представляли собою не малое количество багажа. Между тѣмъ въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать шести-семи пудовъ“.

Девятаго мая экспедиція выступила въ новый путь, а черезъ недѣлю уже достигла истоковъ Желтой рѣки, переваливъ по номукунской дорогѣ сѣверную грань Тибета—хребетъ Бурханъ-Будда. „Еще не позднимъ утромъ, семнадцатаго мая, пишетъ Пржевальскій, перешли мы въ бродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ ново-рожденной Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ ея берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонъ-тала. Такимъ образомъ давнишнія наши стремленія увѣнчались успѣхомъ: мы видѣли теперь воочию таинственную колыбель, великой китайской рѣки и пили воду изъ ея истоковъ. Радости нашей не имѣлось конца“...

Въ цѣляхъ болѣе широкаго обследованія долины Хуанъ-хэ Николай Михайловичъ отправился въ экскурсію, съ двумя казаками, внизъ по теченію рѣки. Черезъ семнадцать верстъ встрѣчалось отличное кормное мѣстечко, и путники расположились на отдыхъ и завтракъ, отпустивъ и лошадей на свѣжую густую траву. Пока кормились лошади, Пржевальскій вздремнулъ, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ замѣтилъ въ сторонѣ двухъ медвѣдей и указалъ на нихъ начальнику. Схвативъ штуцеръ Ланкастера—завѣтный подарокъ офицеровъ генеральнаго штаба—Николай Михайловичъ, вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ, отправился къ звѣрямъ. Вскорѣ выяснилось, что медвѣдей было не два, а четыре, изъ коихъ два были убиты охотниками на мѣстѣ, а третій—казакомъ, охранявшимъ лагерь, куда испуганные мышки набѣжали случайно. Такимъ образомъ, неожиданно были приобрѣтены прекрасные экземпляры тибетскихъ медвѣдей. Пока возились съ препаровкой звѣрей, на землю спустились сумерки, а затѣмъ и ночь, въ которую разразилась сильнѣйшая снѣжная буря. Къ утру получился полный зимній пейзажъ съ морозомъ въ двадцать три градуса Цельсія—это двадцатаго мая! „Я долго не вылѣзалъ изъ своей берлоги, говорилъ потомъ Николай Михайловичъ, образовавшейся изъ войлоковъ, мѣхового одѣяла и толстаго слоя снѣга, прикрывшаго меня сверху“... Усталые и продрогшіе путники вернулись на главный бивуакъ лишь въ

два часа пополудни, гдѣ за чашею горячаго чаю съ восторгомъ дѣлились съ нами своими охотничьими впечатлѣніями.

Теперь положеніе экспедиціи было очень трудное; непривычныя въ тибетскимъ невгодамъ животныя сильно страдали и на первомъ же слѣдующемъ переходѣ пришлось бросить верблюда и лошадь. Огромная высота, холодъ и сырость, а главное утомительные переходы вызывали головную боль; у нѣкоторыхъ казаковъ на лицѣ, преимущественно на губахъ и ушахъ, появилась особая сыпь, которую прижигали растворомъ карболовой кислоты; въ предупрежденіе лихорадокъ давался хининъ.

Только вступивъ въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна, при устьѣ рѣчки Бы-чю, что означаетъ „Козьяковая“, отъ обилія всякаго рода жуковъ въ этой долинѣ, путешественники вздохнули свободнѣе, такъ какъ здѣсь абсолютная высота оказалась значительно меньшей, и солище порою пригрѣвало по-лѣтнему. Лагерь былъ устроенъ въ красивомъ мѣстѣ подъ скалами.

Но тутъ произошла другая неприятность. Николай³ Михайловичъ вмѣстѣ съ Роборовскимъ отирались полюбоваться Голубою рѣкою, опредѣлили ея ширину, температуру воды и затѣмъ спокойно усѣлись на камень. „Вдругъ, говоритъ Пржевальскій, со скалъ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ, и пуля ударила въ песокъ возлѣ насъ. Сначала мы не знали въ чемъ дѣло, но вскорѣ послѣдовали еще два выстрѣла, и пули опять прилетѣли къ намъ. Теперь не оставалось сомнѣнія, что тангуты предательски стрѣляютъ именно въ насъ; сами же разбойники прятались видимо въ скалахъ. Лишь спустя немного показалось нѣсколько человекъ, перебѣгавшихъ отъ одной скалы къ другой, и я пустилъ въ нихъ съ десятокъ пуль изъ бывшей съ нами берданки. Были ли убитые или нѣтъ—не знаю.

„Случай этотъ ясно показалъ, что кругомъ насъ теперь враги, и что, слѣдовательно, необходимо быть на-сторожѣ. Поэтому, прежде всего, мы перенесли свой бивуакъ изъ-подъ скалъ, откуда тангуты могли задавить насъ камнями, на открытое мѣсто; ночной караулъ былъ усиленъ, да при томъ все спали не раздѣваясь и съ оружіемъ наготовѣ; увеличено было число казаковъ, ежедневно наряжаемыхъ пасти верблюдовъ. Съ такими предосторожностями мы могли считать себя почти въ безопасности“.

Послѣ ознакомленія съ долиною верхняго Ян-цзы-цзяна, Пржевальскій, за невозможностью переправиться черезъ эту рѣку, повернулъ обратно на Хуань-хэ, и черезъ нѣсколько дней достигъ зна-

комой, священной у тибетцевъ горы, гдѣ расположился на дневку... „Почти у самаго подножья обѣтованной горы, говоритъ Николай Михайловичъ, разбили мы свой бивуакъ. Громадныя отвѣсныя скалы, вѣнчающія ея вершину и разсыпанныя на западномъ склонѣ,

Снѣжный грифъ (*Syys himalayensis*).

гордо поднимались въ вышину; широкими полосами сбѣгали отъ нихъ каменные осыпи; кое-гдѣ небольшими площадками являлись скудныя лужайки; на противоположномъ же скатѣ залегали отличныя луга. Далекю по сторонамъ, во всемъ сонмѣ окрестныхъ горъ не было видно подобной каменной вершины, хотя послѣдняя и не выдѣлялась своею высотой. Коренные жители скалъ куку-яманы, грифы и уллары, нашли здѣсь для себя привольное убѣжище, тѣмъ

болѣе, что сама гора, сколько кажется, считается священной у мѣстныхъ тангутовъ.

„Съ самаго прихода осматривали мы въ бинокль заповѣдныя скалы, откуда изрѣдка доносился громкій крикъ улларовъ: громадные грифы ¹⁾ садились по тѣмъ же скаламъ или плавно кружили въ вышнѣ надъ нашей стоянкой; по временамъ прилетала крикливая стайка клушицъ, или одиночный воронъ—и только.

„Но вотъ солнце порядочно уже опустилось къ западу, и словно изъ земли выросло на той же горѣ стадо куку-ямановъ. Они паслись на небольшой лужайкѣ возлѣ скалъ. Простымъ даже глазомъ хорошо было отъ насъ видно, какъ звѣри щипали траву, старые самцы пристально осматривались по сторонамъ, молодые барашки рѣзвились... Трудно было не искуститься подобнымъ соблазномъ—и, уступая общей просьбѣ своихъ спутниковъ, я отпустилъ нѣсколько казаковъ на охоту, самъ отправился съ П. К. Козловымъ на ту же гору, но только за птицами для коллекцій; поэтому мы взяли гладкоствольныя ружья. Казаки пошли нѣсколько раньше, въ обходъ наверхъ скалъ; мы ползли къ тѣмъ же скаламъ снизу. Планъ былъ тотъ, что спугнутые нами куку-яманы побѣгутъ вверхъ и наскочатъ на засѣвшихъ тамъ охотниковъ.

„Когда мы разошлись, звѣри, смѣтившіе недоброе, куда-то исчезли.

„Я поднимался вверхъ западнымъ бокомъ горы, Козловъ дѣлалъ ея серединою. Условлено было первымъ намъ не стрѣлять, развѣ по какой-нибудь рѣдкой птицѣ, но таковой не отыскалось; мало было даже птицъ вообще. Раскаяніе брало меня, что не пошелъ со штуцеромъ за куку-яманами, но теперь дѣло это было неоправнимо. Однако, на всякій случай, я вложилъ въ свое ружье Пёрде пульные патроны и присѣлъ за камень на боковомъ скатѣ горы. Черезъ нѣсколько времени вверху прогремѣли выстрѣлы, немного спустя раздалось эхо сброшенныхъ внизъ камней и, наконецъ, послышался глухой топотъ большого убѣгавшаго стада куку-ямановъ. Опрометью неслись они возлѣ высокихъ верхнихъ скалъ, перебѣжали на моихъ

¹⁾ Свѣжій грифъ (*Gyps himalaensis*) весьма распространенъ не только въ Гималаяхъ, но по всему Тибету и Тянь-Шаню. Никогда не преслѣдуемая въ Тибетѣ человекомъ, наоборотъ, постоянно получающая отъ него подаянія въ видѣ мертвыхъ тѣлъ, эта громадная и осторожная птица ведетъ себя крайне доверчиво. Странно, съ непривычки видѣть, какъ могучая птица, имѣющая около девяти футовъ въ рамкахъ крыльевъ, пролетаетъ всего на нѣсколько десятковъ шаговъ надъ палаткою или надъ головою человека и тутъ же опускается на землю. Тотъ же грифъ, порою паритъ такъ высоко въ прозрачной синевѣ неба, что бываетъ замѣтенъ въ бинокль въ видѣ маленькой движущейся точки.

глазахъ чуть не по отвѣсной каменной кручѣ, спустились въ небольшое ущелье, а затѣмъ... о, великая радость! прамехонько направились въ мою сторону. Пуще прежняго притаился я въ своей засадкѣ; даже боялся глядѣть черезъ камень и только слушалъ, какъ приближался ко мнѣ топотъ звѣрей. Думалось—поднушу ихъ какъ можно ближе и уложу пару изъ обоихъ стволовъ. Такъ дѣйствительно и случилось, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Предательскій вѣтерокъ выдалъ чуткимъ животнымъ мое присутствіе... Все стадо сразу пріостановилось, а затѣмъ быстро паранулось въ сторону и снова остановилось, столпившись плотною кучею шагахъ въ полтораста отъ моей засадки. Тогда разъ за разомъ пустилъ я двѣ пули, рассчитывая, что онѣ найдутъ виноватыхъ. Послѣ этихъ выстрѣловъ куку-яманы бросились на прежнія скалы; двое же остались на мѣстѣ убитыми наповаль.

„Вскорѣ на верху опять начались выстрѣлы,—то казаки палили по возвратившимся звѣрямъ, но при наступавшихъ уже сумеркахъ сдѣлали много промаховъ. Одинъ изъ казаковъ въ это время даже стрѣлялъ, какъ онъ объяснилъ „большую лисицу съ длиннымъ хвостомъ“, оказавшуюся леопардомъ, пробѣжавшимъ потомъ невдалекѣ отъ Козлова.

„Тѣмъ и закончилась наша вечерняя охота.

„Назавтра утромъ, мы снарядились опять на ту же гору за куку-яманами. Подзадоривала насъ также и надежда встрѣтить виднаго наканунѣ леопарда, но отыскать его не удалось. Опять нѣсколько охотниковъ зашли напередъ вверхъ на скалы; другіе ползали снизу. Стрѣлять велѣно было лишь крупныхъ самцовъ; самокъ даромъ не бить.

„Я взялъ винтовку Бердана и отирравился въ засадку невдалекѣ отъ вчерашняго мѣста. Здѣсь высилась громадная скала конгломерата, и по ея лишь слегка наклоненному боку, тамъ, гдѣ развѣ можно пробраться мыши, вчера пробѣжало благополучно цѣлое стадо куку-ямановъ. Несомнѣнно, звѣри знали эту дорогу, и послѣ выстрѣловъ нашихъ охотниковъ должны были опять здѣсь спастись. Настороживъ винтовку, я прилежъ за большой камень. Ожидать пришлось довольно долго. Тихо и спокойно было вокругъ; лишь по временамъ накрапывалъ дождикъ изъ пробѣгавшихъ тучъ. Ягнятники и грифы, чувшіе добычу, то высоко парили въ облакахъ, то спускались ниже скалъ и налетали на меня совершенно близко. Я слѣдилъ за полетомъ этихъ могучихъ птицъ и любовался ими. Наконецъ, отрывисто раздался гулъ одиночнаго выстрѣла... Довольно заниматься грифами, нужно пристально сторожить ближайшія скалы... Высоко на нихъ вскорѣ показалась стройная фигура куку-ямана и

быстро исчезла. Еще напряженнѣе сосредоточилось мое вниманіе, еще сильнѣе забилося сердце страстнаго охотника... Вотъ, вотъ, думалось, явятся желанныя звѣри, и руки невольно сжимали приготовленную винтовку... Но куку-ямановъ нѣтъ, какъ вѣтъ. Видно бросились они на другую сторону горы и не подойдутъ къ засадкѣ... Сомнѣніе начинало брать верхъ надъ надеждою, радостное настроеніе замѣнилось уныніемъ, ажитація проходила... Вдругъ, какъ ошпаренный, выскочилъ впереди меня большой самецъ куку-яманъ, постоялъ нѣсколько секундъ и пустился легкою рысью поперекъ отвѣса конгломератовой стѣны, повыше ея середины. За вожакомъ показалось цѣлое стадо и тѣмъ же невѣроятнымъ путемъ бѣжало въ недалекомъ отъ меня разстояніи. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ совсѣмъ озадаченный на такое необычайное искусство куку-ямановъ; мнѣ казалось, что это двигались тѣни, а не животныя, и только жалобное блеяніе барашковъ разрушило иллюзію. Передовые звѣри миновали уже средину каменной стѣны, когда я наконецъ опомнился и выстрѣлилъ въ рогатаго вожака. Словно оторванный отъ скалы камень, громыкнулся онъ внизъ, сдѣлавъ два-три рывочета по стѣнѣ и кувыркаясь покатился далеко по крутому луговому скату. Стадо на мгновеніе приостановилось... Я послалъ второй выстрѣлъ—и другой самецъ еще съ большимъ грохотомъ полетѣлъ съ высоты, но, попавши внизу на камни, вскорѣ остановился. Между тѣмъ стадо частью продолжало бѣжать впередъ, частью повернуло по той же стѣнѣ вверхъ и избралось по такой отвѣсной каменной кручѣ, что у меня, глядя снизу, морозъ дралъ по кожѣ. Я даже не сталъ болѣе стрѣлять, соображая, что упавшій съ подобной высоты звѣрь едва-ли будетъ годенъ для коллекціи. Вернушіеся назадъ куку-ямавы вскорѣ опять попали подъ выстрѣлы нашихъ охотниковъ, пока наконецъ не залегли въ неприступныхъ скалахъ.

„Всего въ этотъ день убито было съ десятокъ звѣрей, но нѣкоторыхъ изъ нихъ достать мы не могли. Шерсть на шкурахъ, несмотря на конецъ іюня, была еще хорошая, зимняя. Мясца взяли немного, остальное пошло въ добычу грифамъ, которые еще во время нашей охоты слетѣлись сюда во множествѣ и устроили царь-гору, лишь только мы возвратились на свой бивуакъ“.

На слѣдующій день, при переправѣ въ бродъ черезъ горную, надувшуюся отъ дождя рѣчку, едва не утонулъ въ ней В. И. Руборовскій, спасавшій барановъ и едва не сдѣлавшійся жертвою своего ревниваго отношенія къ интересамъ экспедиціи.

Въ первыхъ числахъ іюля караванъ поднялся вновь на плато Тибета и вновь попалъ въ стужу и сырость. „Сырость,—пишетъ Николай Михайловичъ,—была ужасная. Спали мы на мокрыхъ войлокахъ, носили мокрое платье. Оружіе наше постоянно ржавѣло,—собираемыя въ гербарій растенія невозможно было просушить, вьюки и войлочные сѣдла верблюдовъ также почти не переставали мокнуть и черезъ то значительно прибавляли своей тяжести.

„Еще сильнѣе отзывались всѣ эти невзгоды на казакахъ. На бивуакѣ двое изъ нихъ ежедневно пасли караванныхъ животныхъ, перѣдко подъ проливнымъ дождемъ, или сильною метелью. Дежурный и поварь на такомъ же дождѣ или снѣгѣ варили чай и обѣдъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, измокшіе, озябшіе и усталые казаки становились по-очередно, обыкновенно также при непогодѣ, на двѣ смѣны ночного караула“. Короче—жизнь экспедиціоннаго отряда была крайне трудная, но всѣ члены его держали себя молодцами и каждый свято исполнялъ возложенную на него обязанность. Эта стойкость въ борьбѣ съ природою и лишениями побуждала Николая Михайловича увѣковѣчить дѣятельность экспедиціоннаго отряда въ тѣхъ мѣстахъ. Одно изъ озеръ верхней Хуанъ-хэ, а именно восточное Пржевальскій называлъ *Русскимъ*, а западное—*озеромъ Экспедиціи*. „Пусть,—говоритъ онъ,—первое изъ названій свидѣтельствуетъ, что къ таинственнымъ истокамъ Желтой рѣки впервые проникъ русскій человекъ, а второе—упрочить память нашей здѣсь экспедиціи, которая, какъ будетъ рассказано ниже, оружіемъ завоевала возможность научнаго описанія тѣхъ же озеръ“.

При слѣдованіи экспедиція внизъ по долинѣ Джагынъ-гола, дожди не переставали ее дожимать, холода также, въ особенности по ночамъ, когда тихая поверхность болотъ покрывалась ледяною коркой. По-прежнему жители отсутствовали, но звѣрей встрѣчалось множество. Только вблизи озера Экспедиціи, впервые послѣ долгаго промежутка, были обнаружены тибетцы, многочисленной конной партіей, расположившейся на ночлегъ верстахъ въ двѣнадцати отъ нашего бивуака. Предполагая, что это былъ проходящій караванъ, Николай Михайловичъ не обратилъ на него особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе что въ отрядѣ всегда соблюдалась должная осторожность и экспедиціонныя собаки, „Соловей“ и „Машка“, сторожили от-лично.

... Наступившая теперь ночь, — пишетъ Пржевальскій — была облачная и очень темная, прошла она благополучно, только собаки сильно лаяли, но часовые наши этимъ не тревожились, предполагая, что кругомъ бивуака бродятъ дикіе яки, которыхъ днемъ очень много паслось по окрестнымъ долинамъ. На разсвѣтѣ дежурный казакъ разбудилъ П. К. Козлова, посмотрѣть показаніе термометра и побудилъ также своихъ товарищей, чтобы встать; самъ же пошелъ къ огню и началъ раздувать его ручнымъ мѣхомъ. Въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ, и тотчасъ же часовой увидѣлъ большую толпу всадниковъ, скакавшихъ прямо на нашъ бивуакъ; другая куча неслась на насъ сзади. „Нападеніе!“ крикнулъ казакъ и выстрѣлилъ. Тангуты громко, но какъ-то пискливо загикали и прищипорили своихъ коней. Въ одинъ мигъ выскочили мы изъ обѣихъ палатокъ и открыли учащенную пальбу по разбойникамъ, до которыхъ въ это время равстояніе было около полутора ста шаговъ. Не ожидая подобной встрѣчи и, вѣроятно, рассчитывая застать насъ врасплохъ спящими, тангуты круто повернули въ стороны и назадъ отъ нашего бивуака. Мы провожали негодяевъ частую пальбою. Къ сожалѣнію, утро было сѣрое и еще не разсвѣло, такъ что нельзя было мѣтко прицѣляться, въ особенности вдаль. Однако возлѣ нашего бивуака валялись двѣ убитыя лошади и одинъ убитый тангутъ. Кромѣ того, видно было, какъ падали и другіе разбойники, но ихъ ловко подхватывали съ собою товарищи.

„Выбравшись изъ сферы нашихъ выстрѣловъ, разбойники раздѣлялись на нѣсколько кучъ и съ вершинъ ближайшихъ холмовъ стали за нами наблюдать. Мы же прочистили свои винтовки, напились чаю, завьючили верблюдовъ и рѣшили самимъ теперь напасть на тангутскій бивуакъ, перекочевавшій ночью не далѣе какъ версть на шесть отъ нашей стоянки. Необходимо было это сдѣлать, чтобы отогнать негодяевъ отъ близкаго сосѣдства и отбить у нихъ охоту къ дальнѣйшимъ на насъ нападеніямъ.

„Лишь только караванъ нашъ двинулся въ направленіи тангутскаго бивуака, всѣ до единаго разбойники мигомъ поскакали на свое стойбище. Мы продолжали медленно туда подвигаться съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у важдаго въ запасѣ; вьючные верблюды и уцѣлѣвшія верховья лошади шли плотною кучею. Когда такимъ образомъ мы приблизились къ стойбищу разбойниковъ версты на двѣ, то въ бинокль видно было, что вся ихъ ватага, человекъ около трехсотъ, выстроилась впереди бивуака верхомъ въ линію; сзади же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Казалось, что тангуты

рѣшили дать намъ отпоръ, но не тутъ-то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну удирать. Но такъ какъ позади тѣхъ же разбойниковъ протекала непроходимая въ бродъ рѣка, то они вынуждены были двинуться навскось мимо насъ въ разстояніи около версты. Тогда, видя, что тангуты уходятъ, догнать же намъ ихъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и разъ за разомъ мы пустили четырнадцать залповъ. Несмотря на дальнее разстояніе, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые въ топи мото-шариковъ не могли быстро ускакать. Наконецъ, тангуты вышли за предѣлъ самаго дальняго полета нашихъ пуль, и мы прекратили стрѣльбу. Всего, какъ теперь, такъ и утромъ, нами было вышущено около пятисотъ патроновъ. Число же убитыхъ и раненыхъ разбойниковъ мы полагали въ десять человѣкъ; убито было также нѣсколько лошадей.

„Раздѣлавшись съ тангутами, мы вскорѣ вышли на сухое мѣсто гдѣ и раскинули свой бивуакъ. На общей радости всѣ солдаты и казаки были произведены мною за военное отличіе въ унтеръ-офицеры и урядники. Грозная бѣда миновала удачно. Счастье опять намъ послужило, хотя бы и тѣмъ, что наканунѣ я не могъ переправиться черезъ Джагынъ-голь и уѣхать втроемъ отъ своего крошечнаго отряда“.

На слѣдующій день караванъ пошелъ далѣе на югъ, переправился черезъ рѣчку, которая впадаетъ въ озеро Русское, и Пржевальскій въ память событія назвалъ ее „Разбойничьей“. Въ караванѣ теперь было всего семь лошадей и двадцать четыре верблюда, изъ которыхъ пять едва передвигали ноги. Для облегченія вьюковъ пришлось бросить часть дзамбы и идти по очереди пѣшкомъ. На случай нападенія тангутовъ, усилены были мѣры предосторожности: разѣзды не посылались, бивуакъ располагался тыломъ къ болоту или озеру—и по ночамъ выставлялись парные часовые; караванныхъ животныхъ пасли у самаго бивуака, и всѣ ложились спать не раздѣваясь и съ оружіемъ возлѣ себя.

Предосторожность эта была не лишнею, такъ какъ, при изслѣдованіи озера Русскаго, нашъ отрядъ подвергся новому нападенію *н'голоковъ*—разбойниковъ, обитающихъ ниже по долинѣ Желтой рѣки. На этотъ разъ разбойники численностью также до трехсотъ человѣкъ напали на экспедицію днемъ и, казалось, дѣйствовали болѣе рѣшительно, нежели прежде.

...„Вся шайка разбойниковъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—приблизившись къ намъ на разстояніе около версты, съ громкимъ

гиканіемъ бросилась въ атаку. Гулко вастучали по влажной глинястой почвѣ копыта коней, частоколомъ замелькали длинныя пикивсадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконныя плащи и длинныя черныя волосы... Словно туча неслась на насъ эта орда дикая, кровожадная... А на другой сторонѣ, впереди своего бивуака, молча съ прицѣленными винтовками, стояла наша маленькая кучка—четырнадцать человѣкъ, для которыхъ теперь не было иного исхода, какъ смерть или побѣда...

„Когда разстояніе между нами и разбойниками сократилось до пятисотъ шаговъ, я скомандовалъ „пли“ и, полетѣлъ нашъ первый залпъ; затѣмъ началась учащенная пальба. Однако таягуты продолжали скакать, какъ ни въ чемъ не бывало. Изъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки берегомъ самаго озера и, ободряя своихъ подчиненныхъ (какъ намъ потомъ переводилъ китаецъ): „бросайтесь, бросайтесь, съ нами Богъ (куръезно!), онъ намъ поможетъ“. Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь подъ этимъ командиромъ была убита, и самъ онъ, вѣроятно раненый, согнувшись побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка, не доскакавшая до насъ менѣе двухсотъ шаговъ, сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ. Тамъ разбойники слѣзились и открыли въ насъ пальбу на разстояніи около трехсотъ шаговъ. Мы же не могли стрѣлять въ закрытыхъ уваломъ таягутовъ. Тогда и рѣшилъ наудалую штурмомъ выбить ихъ изъ этой засады. Все равно—таягуты могли насъ перестрѣлять на совершенно открытой мѣстности, или ободрившись нашею вершителностью, снова броситься въ атаку. Теперь же роли выгодно для насъ перемѣнились—мы сами шли на разбойниковъ и такую дерзостью искупали свою малочисленность.

„Оставивъ для прикрытія бивуака поручика Роборовскаго съ пятью казаками, съ остальными семью я отправился выбивать таягутовъ. Эти послѣдніе, увидавъ, что мы бѣжимъ къ нимъ, открыли по насъ частую пальбу, которая затѣмъ вдругъ стихла. Когда же первый изъ насъ, именно урядникъ Телешовъ взбѣжалъ на увалъ, то оказалось, что разбойники бросили свою отличную позицію, чтобы успѣть во-время сѣсть на коней. Конечно, при этомъ произошла немалая суматоха, пользуясь которою мы открыли съ занятаго теперь увала пальбу въ кучу разбойниковъ и убили нѣсколькихъ. Но, какъ и прежде, таягуты подхватывали на всемъ скаку почти всѣхъ погибшихъ или раненыхъ товарищей и увозили ихъ съ собою.

„Отбитые съ ближайшей къ намъ позиціи разбойники скрылись за слѣдующій увалъ. Тогда, воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами, мы живо протерли смоченными тряпками закоптѣлые,

сильно нагрѣвшіеся стволы своихъ винтовокъ и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесли къ намъ на увалѣ переводчикъ-китаецъ, тотъ самый, который, при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлока и долго не выходилъ оттуда. Теперь же онъ набрался храбрости и кромѣ патроновъ притащилъ ведро воды для питья.

„Засѣвшіе на второмъ увалѣ тангуты вскорѣ открыли опять по насъ стрѣльбу. Пришлось ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить и занятый увалъ, иначе мы могли быть отрѣзанными отъ своего бивуака. Тогда я остался самъ-третей на этомъ увалѣ и послалъ вольноопредѣляющагося Козлова съ четырьмя казаками впередъ и нѣсколько въ сторону, на небольшую горку, откуда пальбою берданокъ разбойники вскорѣ были прогнаны изъ новой своей засады. Между тѣмъ часть шайки, человекъ около пятидесяти, полагая, что нашъ бивуакъ оставленъ безъ прикрытія, бросились туда, но были встрѣчены пальбою оставленныхъ людей и отбиты. Тогда, видя всюду неудачу, тангуты начали отступать къ горамъ, останавливаясь гдѣ можно за бугорками и небольшими увалами. Мы провожали негодяевъ пальбою, пока только могли долетать пули берданокъ. Наконецъ вся орда выбралась изъ сферы нашихъ выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась, вѣроятно, для перевязки раненыхъ. Въ это время выѣхала изъ горъ новая партія человекъ въ пятьдесятъ, вѣроятно оставшихся на бивуакѣ; они присоединялись теперь къ своимъ товарищамъ. Мы оставались на прежнихъ позиціяхъ, ожидая новаго нападенія. Но тангуты, простоявъ еще немного, направились, въ наступающія уже сумерки, въ горы тѣмъ самымъ ущельемъ, которымъ выѣхали. Когда разбойники скрылись, мы вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Всѣ же мы опять уцѣлѣли. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и за это время мы выпустили около восьмисотъ патроновъ. Разбойниковъ было убито и ранено, по нашему общему заключенію, до тридцати человекъ“.

Предполагая, что разбойники могутъ атаковать бивуакъ ночью, участники экспедиціи не спали до утра и просидѣли въ двухъ группахъ по флангамъ своего расположенія. Ночь была темная, шелъ дождь и бушевалъ сильный западный вѣтеръ, но къ счастью нападенія не послѣдовало.

„Товарищи! писалъ Пржевальскій въ приказѣ по своему отряду. Вчера было сдѣлано новое на насъ нападеніе разбойничьей тангутской шайки, численностью около трехсотъ человекъ. Вы мужественно встрѣтили лютаго врага въ двадцать разъ многочислен-

нѣйшаго, и послѣ двухчасового боя разбили и прогнали его. Этою побѣдою, равно какъ и предшествовавшею, куплено изслѣдованіе большихъ до сихъ поръ невѣдомыхъ озеръ верхняго теченія Желтой рѣки. Вы сослужили славную службу для науки и для славы русскаго имени! За таковой подвигъ я буду ходатайствовать о награжденіи каждаго изъ васъ знакомъ отличія военнаго ордена...”

Вслѣдъ затѣмъ, экспедиція направилась вдоль южной окраины озеръ и самой долины Хувнъ-хэ, къ Цайдаму, котораго успѣшно и достигла въ началѣ августа. На складѣ нашемъ все оказалось благополучнымъ. Отсюда были отправлены письма къ роднымъ и знакомымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пржевальскій просилъ русскаго консула въ Кашгарѣ, Петровскаго, хлопотать у хотанскихъ властей, чтобы они давали проводниковъ и содѣйствовали покупкѣ разныхъ продуктовъ. „Болѣе ничего не требуется, писалъ Николай Михайловичъ; никакихъ конвоевъ и парадныхъ встрѣчъ намъ не нужно, все это только великая помѣха для работъ экспедиціи. — Мы все находимся въ вождельномъ здравіи, живемъ дружно и помаленьку мастеримъ великое дѣло изслѣдованія Тибета. Мои спутники, казаки и солдаты, отличные люди, съ которыми можно пройти вездѣ и сдѣлать все“.

— Собственно говоря, справедливо замѣчаетъ Н. Ѡ. Дубровинъ, Пржевальскій представлялъ собою имя собирательное—духъ цѣлой горсти людей. При его имени нельзя не вспомнить его спутниковъ: Ягунова, Шильцова, Эклона, Роборовскаго, Козлова... нельзя не вспомнить замѣчательныхъ участниковъ конвоя: Иринчинова, Нефедова, Телешова, Иванова... Все они подчинялись духу и волѣ Николая Михайловича. Его желанія были ихъ желаніями и другихъ имѣть они не могли. Своихъ спутниковъ онъ любилъ какъ дѣтей и искренно былъ благодаренъ, когда оказывали имъ вниманіе—оно было для него дороже, чѣмъ оказанное ему самому.

.... „Отъ посѣщенія Лхасы отказываюсь, писалъ Пржевальскій одному изъ друзей, въ виду важности намѣченныхъ изслѣдованій и возможности того, что насъ опять не пустятъ въ столицу Далай-Ламы, въ особенности послѣ двукратнаго побитія тангутовъ на Желтой рѣкѣ“.

Во время двухнедѣльнаго отдыха въ Цайдамѣ, караванъ успѣлъ отремонтироватьсь во многихъ отношеніяхъ и въ самое лучшее время года — осенью направился къ западу вдоль Цайдамской равнины. Невольная продолжительная остановка въ Номохунъ-хото,

по случаю болѣзни верблюдовъ, дала возможность экспедиціи въ лучшемъ уголѣ Цайдама, при рѣчкѣ и порядочной площади хлѣбныхъ полей, наблюсти осенній пролетъ пернатыхъ и добыть помимо птицъ еще и мѣстныхъ грызуновъ. За растительной полосой Цайдамской равнины потянулась пустыня то глинистая, то каменистая, до отличнаго урочища Гасъ, гдѣ экспедиція сосредоточила вторую свою базу.

Зимняя экскурсія на сѣверное тибетское нагорье исполнена съ большимъ напряженіемъ физическихъ силъ; холода, бури, разреженный воздухъ дали себѣ почувствовать даже нашимъ сильнымъ организмамъ. Только географическія открытія большой важности—открытіе новыхъ колоссальныхъ хребтовъ, озеръ, которымъ по праву перваго изслѣдователя Пржевальскій далъ свои названія, удачныя пополненія зоологическихъ коллекцій крупными формами млекопитающихъ въ родѣ, на примѣръ, каменнаго барана или аргали Дамы-Ламы (*Ovis Dalai-Lamae*),—только сознаніе важности задачи въ связи съ беззаветнымъ стремленіемъ къ общему познанію облегчали всѣ трудности и невзгоды и помогли обследовать значительный районъ, не посѣщенный до насъ никѣмъ изъ европейцевъ. „Далѣе не пошли, говорятъ Николай Михайловичъ, ибо наши лошади въ конецъ устали, да и продовольственные запасы почти совсѣмъ истощились. Но чтобы осмотрѣть, на сколько возможно, мѣстность еще впереди, я отправился съ послѣдняго бивуака въ недалекую окраину Цайдамскаго хребта и, поднявшись адѣсь тысячи на полторы футовъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя засѣчки буссолю. Случайно выпавшая на нѣсколько часовъ хорошая, ясная погода, вполне благоприятствовала этой экскурсіи. Высокія горы вверхъ и внизъ по долинѣ Хатынь-зана были отлично видны на далекомъ протяженіи. Между ними громадная Джинь-ри рельефно выдѣлялась на свѣтло-голубомъ фонѣ неба. Ея ледники блестѣли на солнцѣ, словно гигантскія зеркала. Гривою протягивалась отъ названной горы къ западу, верстъ на двадцать пять—тридцать, такая же громадная ледниковая масса, вѣроятно зачатокъ хребта Колумба. Долина наша къ востоку-юго-востоку уходила за горизонтъ. Въ ближайшей ея части замерзшій Хатынь-занъ тянулся серебряною лентою и, заворачивая круто къ югу, прятался въ горахъ, вблизи своихъ истоковъ. Къ сѣверу совсѣмъ близко высилась западная снѣговая группа Цайдамскаго хребта и заслоняла собою болѣе далекій въ эту сторону горизонтъ.

„Такимъ образомъ, въ связи съ предшествовавшими изысканіями, достаточно выяснилось теперь положеніе какъ ближайшихъ

намъ хребтовъ, такъ и долины Хатынъ-зана. Можно было возвратиться на складъ⁴.

Одиннадцатаго января 1885 года тибетская экскурсія была окончена: путешественники всѣ собрались въ Гасѣ. Погода сдѣлалась теплѣе и, пользуясь этимъ, всѣ стали приводить себя въ порядокъ: стриглись, мылись, чистились, чинились, и на сколько позволяли средства отпраздновали Новый годъ.

Трое сутокъ было употреблено на просушиваніе собранныхъ зоологическихъ коллекцій, перекладку багажа, исправленіе вьюковъ и проч. Затѣмъ, мы покинули свою прекрасную стоянку и направились къ сѣверу на Лобъ-норъ, по пути, отысканному разъѣздомъ еще въ ноябрѣ прошлаго года.

Въ концѣ января экспедиція пришла на Лобъ-норъ и устроилась лагеремъ на старомъ, хорошо знакомомъ Пржевальскому мѣстѣ, возлѣ селенія Абдалъ. Лобнорцы оказались радушными и предупредительными. Продовольствія для чиновъ экспедиціи доставлялось въ изобиліи. Жизнь шла спокойно, ея однообразіе ничѣмъ не нарушалось. Симпатичнѣйшій старичекъ—Кувчиканъ-бекъ былъ нашимъ ежедневнымъ желаннымъ гостемъ...

Только, однажды, вскорѣ съ прихода на Лобъ-норъ, экспедицію побеспокоилъ царственный звѣрь—тигръ, задушившій ея огромнѣйшаго пса, приобрѣтеннаго въ Цайдамѣ... Въ ту же ночь тигръ умертвилъ возлѣ Абдалъ корову и осла, и безнаказанно ушелъ въ глубь высокихъ камышей.

Между тѣмъ наступилъ февраль, съ которымъ объявилось весеннее тепло и полетѣли птицы. Лобъ-норъ пробудился, ожилъ. Появилось большое оживленіе и среди участниковъ экспедиціи. Больше другихъ охотился самъ Николай Михайловичъ и его ближайшіе сотрудники... Охоты предпринимались компаніей или въ одиночку по утрамъ, вечерамъ или даже во всякіе другіе часы теплаго солнечнаго дня, въ особенности въ періодъ валового пролета, когда въ воздухѣ ни днемъ, ни ночью не смолкали голоса пернатыхъ.

.... „Съ вечера приготовлены, пишетъ Николай Михайловичъ—ружье, патроны и охотничье одѣяніе. Дежурному на послѣдней смѣнѣ казаку приказано разбудить, чуть забрежжитъ заря. Быстро промелькнетъ ночь и живо откликнешься на будущій зовъ дежурнаго. Одѣнешься и тихомолкомъ выйдешь изъ юрты, въ которой крѣпкимъ сномъ спятъ товарищи. Едва замѣтна полоска свѣта начинаетъ отливать на востокъ, но еще не слышно голосовъ птицъ;

только взрѣдка гогочуть гуси да гукаетъ выпь. Поспѣшно отправляешься къ своей засадкѣ. Тропинки туда хотя вѣтъ, но мѣстность хорошо знакома, такъ что и въ темнотѣ знаешь, гдѣ перейти поперечную канавку, или продѣзть сквозь тростникъ. Нѣсколько утокъ и гусей, испугнутыхъ по путя, шумно захлопали крыльями и отлетѣли въ сторону. Но вотъ и засадка — маленькій клочекъ полусырой земли среди разливовъ и тростника; послѣднимъ заранѣе огорожено то мѣсто, гдѣ нужно спрятаться. Снимешь фуражку, чтобы лучше укрыться, и садишься на тростниковую подстилку. Ждать приходится не долго. На востокъ побѣлѣла уже порядочная полоска неба, и одна за другой начинаютъ просыпаться птицы. Громче и усерднѣе загоготали гуся, запищали въ тростникѣ лысухи, учащеннѣе раздаются гуканье выпи и звонкій голосъ водяного коростеля, свистятъ, крикаютъ и кыркаютъ разныя утки; затѣмъ, когда еще посвѣтлѣетъ, запоютъ жаворопки, камышевыя стрелатки и сорокопуты; по временамъ раздается отвратительное карканье вороны и крикъ дѣлливо летящей чайки или сѣрой цапли... Не разнообразна и не богата серія лобъ-норскихъ пѣвцовъ, но и такимъ радуешься въ здѣшнихъ пустыняхъ; все-таки же это жизнь, а не могильное молчаніе бесплодныхъ равнинъ, гдѣ только завываніе бури нарушаетъ вѣковую тишину...

„Однако наслажденіе природою не совершенно поглощаетъ вниманіе охотника. Онъ прислушивается и напряженно осматривается по сторонамъ, выжидая добычи.

„Нѣсколько разъ утки пролетали черезъ засадку, даже сиделись воулѣ на чистую воду, но на нихъ не обращается вниманіе. Гуси то парами, то небольшими стайками перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; передовые самцы гогочуть—въ знакъ успокоенія товарищей. Но ошибся одинъ изъ такихъ вожаковъ и навелъ стадо на роковое мѣсто. Охотникъ издали замѣтилъ добычу и еще болѣе притаялся въ своемъ уголкѣ. Когда же птицы налетѣли на голову—быстро вскинуто ружье и выстрѣлъ или два загремѣли въ тишинѣ ранняго утра. Тяжело шлепнулся на воду убитый гусь, съ громкимъ крикомъ начали улетѣть остальные... Грохотъ выстрѣла переполошилъ и другихъ птицъ по близости. Бросился онѣ, которыя куда, сами не зная, въ чемъ дѣло и гдѣ опасность. По всѣмъ направленіямъ засновали утки; лысуха низко перелетѣли изъ одного тростника въ другой; ближайшіе гуси также поднялись и полетѣли въ стороны... Охотникъ тѣмъ временемъ вложилъ въ свое ружье новый патронъ и ждетъ новой добычи. Въ суматохѣ нерѣдко вновь налетаютъ гуся и опять раздаются по нимъ выстрѣлы. Затѣмъ, поемногу, все успокоивается и начинаетъ веселиться по-прежнему,

„Между тѣмъ восходятъ солнце, но не яркое, какъ у насъ, а какимъ-то мутнымъ дискомъ, свѣчалъ чуть замѣтнымъ сквозь нижніе слои пыльной атмосферы; вверху же небо довольно чисто и лишь кое-гдѣ по немъ разсыпаны легкія перистыя облака. Теплота, несмотря на раннее утро, довольно значительная; росы нѣтъ, хотя кругомъ вода и болота. Съ восходомъ солнца начинается летъ утокъ вдоль Лобъ-нора—это запоздавшія пролетныя стаи направляются къ сѣверу, а нѣкоторыя изъ нихъ только что сюда прилетѣли. Такія стаи обыкновенно идутъ ввѣ выстрѣла; шумъ ихъ крыльевъ напоминаетъ порывъ сильнаго вѣтра. Мѣстныя же птицы летаютъ низко, не торопясь и не въ одномъ направленіи, но какъ попало. Утокъ по-прежнему не стрѣляешь, развѣ изрѣдкапустишь зарядъ въ стайку красноносокъ—ожидаешь бѣлую цаплю или большую чайку, которыя нужны для коллекціи. Но эти птицы рѣдки на Лобъ-норѣ, такъ что, прождавъ иногда напрасно часовъ до семи утра, выходишь изъ засады и со скудною добычею возвращаешься на бивуакъ“.

Двадцатаго марта Пржевальскій во главѣ экспедиціи оставилъ Лобъ-норъ. Наступилъ послѣдній періодъ экспедиціи, въ который ставался на очередь изслѣдованіи Восточный Туркестанъ. Начальный маршрутъ пролегалъ черезъ населенные магометанами пункты: Чаккаликъ, Черченъ и, особенно отрадный послѣ пустыни, оазисъ Ясулгунъ въ древне-историческій городъ Кэрію. „Въ Ясулгунѣ, говорятъ Николай Михайловичъ, была отпразднована нами шестая тысяча верстъ пути отъ Кяхты. Такія празднества, конечно, по средствамъ, какія имѣлись на лицо, мы устраивали послѣ каждой пройденной тысячи верстъ.

„Тѣ же ясулгунцы сообщали теперь намъ нѣсколько интересныхъ подробностей относительно нелѣпой трусости и секретныхъ козней противъ насъ со стороны китайцевъ. Эти послѣдніе не только всюду запретили туземцамъ входить съ нами въ близкія сношенія и сообщать правду на наши разспросы, но даже приказали увести въ горы мѣстныхъ верблюдовъ, также частью лошадей и вслѣдъ за ними прогнать стада барановъ, чтобы скрыть слѣды. Затѣмъ, узнавъ, что мы намѣрены пройти въ Тибетъ изъ Кэрія, мѣстный китайскій начальникъ послалъ разрушить въ горахъ мостъ и испортить дорогу. Тотъ же начальникъ или, какъ его здѣсь величаютъ, амбанъ, приказалъ собрать въ Кэріи отъ жителей запасной хлѣбъ, сложилъ его въ восемь сакляхъ и подложилъ мину, чтобы взорвать ее въ случаѣ возстанія жителей по нашемъ приходѣ.

Самъ амбанъ нѣсколько ночей сряду выѣзжалъ съ конвоемъ изъ города и почевалъ въ палаткѣ, опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ.

Ранѣе того, полицейскіе въ Кэріи отбирали у обывателей небольшіе ножи, носимые на поясахъ, и отламывали у этихъ ножей острые концы, дабы сдѣлать такое невинное оружіе еще болѣе безопаснымъ. Кромѣ того, китайцы, да и туземцы были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ возились собранныи нами коллекціи, спрятаны наши солдаты. Словомъ, какъ теперь, такъ и послѣ не прекращались нелѣпыя слухи и выходки, которыми китайцы старались повредить намъ, заявляли лишь свою трусость и дискредитировали себя въ глазахъ мѣстнаго населенія. Для насъ же ясно теперь стало, что изъ Восточнаго Туркестана мы не могли бы поѣхать въ Тибетъ и что весьма предусмотрительно нынѣшнее путешествіе начато было изъ Кяхты“.

Перваго іюня экспедиція выступила изъ Ясуагуна въ Кэрію. „Это огромный оазисъ, пишетъ про Кэрію Николай Михайловичъ, въ которомъ до трехъ тысячъ фермъ. Фруктовые сады сплошь, и мы теперь объѣдаемся абрикосами... Намъ устроенъ былъ парадный пріемъ. Помимо солдатъ, собраны были всѣ власти Кэріи; въ воротахъ помѣщенія китайскаго начальника намъ салютовали тремя выстрѣлами и музыкою; хозяинъ встрѣтилъ насъ и проводилъ въ свою фанзу, гдѣ самъ подавалъ намъ чай“. Эти любезности не мѣшали сдѣлать подъ рукою распоряженія иного рода—чтобы туземное населеніе не посѣщало русскихъ и не рассказывало бы имъ объ отношеніяхъ ихъ къ китайской администраціи. Любопытство однако же пересиливало угрозы, и туземцы постоянно приходили на нашъ бивуакъ. Не малою для нихъ приманкою была гармоника, на которой, по вечерамъ, играли казаки. Слухъ объ этомъ удивительномъ инструментѣ шелъ далеко впередъ экспедиціи и притягивалъ многихъ. Рядомъ съ этимъ, китайскія власти принимали большія мѣры къ тому, чтобы затруднить наше путешествіе на югъ; они не стѣснялись портить дороги, уничтожать мосты, горные карнизы и проч.

„Но опять не посчастливилось китайцамъ, говоритъ Пржевальскій, для насъ гораздо интереснѣе идти отъ Кэріи на юго-востокъ, чѣмъ прямо на югъ. При первомъ свиданіи, я объявилъ китайскому амбаню, что мы поѣдемъ на юго-востокъ, и что если туземцы—показываю видъ, что китайцы этого не сдѣлаютъ—вздумаютъ испортить дорогу, то для починки ея, я призову русскихъ солдатъ изъ Кашгара. Китайцы даже глаза вытаращили при подобной угрозѣ и тотчасъ же обѣщали принять мѣры къ охраненію пути. Затѣмъ, по

моему требованію, амбанъ приказалъ отвести въ Кэрии фанзу для склада нашего лишняго багажа, собранныхъ коллекцій и мѣста для пастбы нашихъ верблюдовъ“.

Туземцы очень скоро поняли настоящую суть отношеній китайцевъ и русскихъ и исправляя дороги по приказанію русскихъ, какъ приводили ихъ только недавно въ невозможный видъ по приказанію китайцевъ, еще болѣе возненавидѣли своихъ управителей и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ вырѣзать ихъ.

— Прикажи, говорили они Пржевальскому, — мы сейчасъ пойдемъ рѣзать китайцевъ. Мы ничего не желаемъ, какъ только быть подъ властью Блага Царя. Мы знаемъ, какая теперь справедливость водворилась въ русскомъ Туркестанѣ... А у насъ — каждый китайскій чиновникъ, даже каждый китайскій солдатъ могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей. Подати съ насъ берутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго выносить подобнаго положенія; у многихъ въ насъ заготовлено и спрятано оружіе. Одно только горе — нѣтъ головы, общаго руководителя. Дай намъ хотя простаго казака, пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ“.

Съ Кэрійской рѣки экспедиція направилась вверхъ по лѣвому ея притоку — Курабу, въ долину котораго встрѣтила колонію Цолу, гдѣ и провела около недѣли времени. Получивъ отъ китайцевъ самые неодобрительные отзывы о русскихъ, о ихъ якобы грабежахъ и насиліяхъ, полусцы вначалѣ старались сторониться экспедиція, не входили съ ней ни въ какія сношенія и даже спрятали лучшую одежду и лучшія вещи въ горахъ, но, когда увидѣли и убѣдились въ обратномъ тому, что говорили китайцы, то такъ подружилась съ нами, что устроили „тамашу“ — танцевальный вечеръ съ музыкою и скоморохами. Наши казаки, говоритъ Николай Михайловичъ, также принимали участіе въ общемъ веселіи, лихо отплясывали по-своему, подъ звуки гармоньки; инструментъ этотъ приводилъ слушающихъ въ восторгъ. Въ антрактахъ танцевъ появлялись скоморохи: одинъ наряженный обезьяною, другой козломъ, третій, изображавшій женщину, верхомъ на лошади, выдѣлывалъ очень искусныя штуки. Сначала наше присутствіе немного стѣсняло туземцевъ, которые даже извинялись, что ихъ женщины не могли хорошо нарядиться, ибо лучшее платье, вслѣдствіе китайскихъ навітовъ, далеко спрятано въ горахъ, потомъ всѣ освоились и веселились отъ души. Вообще, наши казаки до того очаровали мѣстныхъ красавицъ, что когда мы уходили изъ Цолу, женщины плакали навзрыдъ, приговаривая: „уходятъ русскіе молодцы, скучно намъ безъ нихъ будетъ“.

Въ нагорной полосѣ, гдѣ слѣдовала экспедиція, дожди почти не переставали, караванныя животныя—лошади измучились и половина изъ нихъ была не годна для движенія по глинисто-каменистымъ скользкимъ дорогамъ. Между тѣмъ направленіе Кэрійскаго хребта ¹⁾, его топографическій рельефъ, флора и фауна достаточно были обследованы, и Николай Михайловичъ рѣшилъ спуститься съ горъ на

Горный козель (*Capra sibirica*).

Кэрійско-хотанскую дорогу, въ оазисъ Чира, куда, черезъ извѣстный промежутокъ времени, былъ доставленъ и экспедиціонный транспортъ, остававшійся на складѣ въ Кэриі.

¹⁾ Въ скалистыхъ частяхъ означеннаго хребта, вблизи альпійскихъ луговъ, держится очень осторожный звѣрь—горный козель (*Capra sibirica*), за которымъ охота еще болѣе затрудняется мало-доступной, по крутизнѣ, мѣстностью и осыпями скалъ, не дающими возможности подкрасться незамѣченнымъ къ звѣрю. Рисунокъ головы этого крупнаго млекопитающагося представляетъ здѣсь вниманію читателя.

Въ оазисѣ же Чира экспедиція получила почту, направленную сюда изъ Кашгара консуломъ Н. Ѳ. Петровскимъ, котораго Пржевальскій очень благодарилъ за это. „Словъ не придумаю, писалъ ему Николай Михайловичъ, какъ благодарить васъ за ваше заботливое вниманіе. Весь вчерашній день и сегодняшній для насъ великіе праздники. Не знаемъ съ чего начать читать; лихорадочно хватаешь то тотъ, то другой номеръ газетъ;—вездѣ новое и новое. Только грустно, что вездѣ одинъ и тотъ же напѣвъ—ссоры, драки, войны, будто все это совершается не въ цивилизованномъ мірѣ, а среди кровожадныхъ дикарей...“

Въ концѣ августа экспедиція прибыла уже въ Хотанъ, но и тутъ не обошлось безъ непріятностей со стороны китайцевъ. Въ Хотанѣ всегда имѣется значительное количество русскихъ подданныхъ, мусульманъ, которые издавна ведутъ здѣсь торговлю, наравнѣ съ китайскими и мѣстными торговцами. Вотъ эти-то русско-подданные мусульмане-купцы и вздумали устроить экспедиціи встрѣчу съ „хлѣбомъ-солью“, съ дарами, что въ высшей степени не понравилось китайцамъ, и кытайская чернь—солдаты напали на экспедиціоннаго переводчика Абдула и на сопровождавшаго его въ ямынь купца-мусульманина, и обоихъ порядкомъ поколотили.

Разгнѣванный Пржевальскій объявилъ, что оставитъ это дѣло только тогда, когда виновные будутъ наказаны на глазахъ экспедиціи или будутъ просить прощенія у переводчика и аксакаловъ—сѣдобородыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы быть болѣе обезпеченнымъ отъ нападенія и имѣть болѣе самостоятельности, начальникъ экспедиціи перенесъ свой бивуакъ на болѣе открытое мѣсто, дававшій полный просторъ для дѣятельности берданокъ и револьверовъ. „Отсюда, говоритъ Пржевальскій, были отпращены въ городъ поручикъ Роборовскій, г. Козловъ, переводчикъ и десять казаковъ прогуляться передъ китайцами. Посланные были вооружены винтовками, съ прижнутыми штыками и несли съ собою каждый по сотнѣ патроновъ. Роборовскому поручено было отъ меня пройти черезъ весь мусульманскій городъ въ китайскій, отдохнуть немного тамъ и вернуться обратно; въ случаѣ же нападенія китайскихъ солдатъ—стрѣлять въ нихъ. Страннымъ, невѣроятнымъ можетъ казаться надали, въ особенноти по европейскимъ понятіямъ, подобный поступокъ, но въ Азіи, тѣмъ болѣе имѣя дѣло съ китайцами, малѣйшая уступчивость несомнѣнно приведетъ къ печальнымъ результатамъ; тогда какъ смѣлость, настойчивость и дерзость изъ десяти разъ на девять выручатъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ“.

При одобрительныхъ крикахъ толпы, молодцовато, стройно про-

шли казаки въ крѣпость, сдѣлали тамъ привалъ и затѣмъ съ цѣснями возвратились обратно.

На другой день амбань прислалъ чиновника съ просьбою позабыть случившееся. При этомъ чиновникъ говорилъ, что солдаты не подчинены амбаню, не слушаются его и даже дѣлаютъ дерзости ему самому, что амбань писалъ объ этомъ по начальству, и нѣтъ сомнѣнія, что виновные будутъ указаны. Тѣмъ не менѣе Пржевальскій настоялъ на прѣздѣ въ лагерь экспедиціи самого амбая и въ принесенія имъ извиненій, что было весьма важно для уничтоженія среди туземцевъ тѣхъ толковъ, которые распускали китайцы. Только тогда взаимныя отношенія приняли дружественный характеръ, и о проясщеніи болѣе не упоминалось.

Между тѣмъ близился конецъ путешествію, и этого конца экспедиція ждала съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ все китайское надоѣло страшнымъ образомъ; всѣ безконечно были счастливы, подняться на Небесный хребетъ—переваль Бедель въ Тянь-Шанѣ,—достигнувъ, такимъ образомъ, отечественной границы. На самой вершинѣ перевала, открывавшаго далекіе виды по сторонамъ, Пржевальскій поздравилъ всѣхъ насъ съ блестящимъ выполненіемъ задачи и подарилъ винтовки, съ которыми мы все время путешествовали. Стоя въ сосѣдствѣ снѣговыхъ, блестящихъ на солнцѣ, вершинъ, на высотѣ 13.700 футовъ надъ моремъ, стоя на грани китайско-русскихъ владѣній, мы сдѣлали залпъ изъ винтовокъ и револьверовъ и тѣмъ распрощались съ чужбиной.

...„Сегодня ¹⁾ для насъ знаменательный день, взволнованнымъ голосомъ сказалъ намъ Пржевальскій, сегодня мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ мнудло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пускались тогда въ глубь азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь одного союзника—отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа и люди. Вспомните—мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Алашаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которые лежатъ на заоблачной высотѣ. Мы жили два года, какъ дикари, подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ и переносили то сорокаградусные жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому по временамъ прибавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая

¹⁾ Двадцать девиатаго октября 1885 года.

вражда туземцевъ. Помните, какъ на насъ дважды нападали тангуты въ Тибетъ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно-враждебно относились къ намъ китайцы.

„Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія,—ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и исследовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ бѣльшей части которыхъ еще не ступала нога европейца. О вашихъ подвигахъ я повѣдаю всему свѣту. Теперь же обнимаю каждого изъ васъ и благодарю за службу вѣрную—отъ имени Государя Императора, насъ посланнаго, отъ имени науки, которой мы служили, и отъ имени родины, которую мы прославили...“

...Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мое юное сердце трепетало и бѣлосъ при этихъ живыхъ словахъ незабвеннаго Пржевальскаго, но я ихъ помню какъ вчера, я помню и голосъ, и самое лицо вдохновеннаго учителя... я помню и тотъ горячій поцѣлуй, который объединялъ наши радостныя души...

Угрюмов плато Тянь-Шаня и дикое, красивое ущелье вывело экспедицію въ привѣтливую долину Иссыкъ-куля. Пахло чѣмъ-то радостнымъ, дорогимъ, счастливымъ,—пахнуло родной! Первый человекъ, котораго мы здѣсь увидѣли, былъ русскій мужичекъ, везшій возъ сѣна на русской лошади, запряженной по-русски. Когда мы проходили поблизи него, когда онъ остановился и своимъ добродушнымъ взглядомъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на насъ, и одною рукою гладилъ свою русую бороду, а другою снялъ шапку, и особенно симпатично произнесъ на родномъ языкѣ: „здравствуйте!“—мнѣ хотѣлось подбѣжать къ нему и крѣпко-крѣпко его обнять,—такъ волновался я тогда отъ избытка чистаго восторга...

Вблизи перваго русскаго города Каракола мы были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими намъ, въ заранѣе приготовленной юртѣ, русскую „хлѣбъ-соль“... а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ ошастливленъ полученіемъ поздравительной депеши Наслѣдника Цесаревича „съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами“.

„Такъ сегодня—седьмого ноября, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, окончилось четвертое мое путешествіе въ Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жадко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго,

если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, во годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азии—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣланномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Кукунора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ...

„Снова бури миновали,
Снова невредимъ пловецъ...
Снова, снова не сказали,
Что для бурь насталъ конецъ.“...

П. Козловъ.

